

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Э.Л. Дубман*

ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ И СКЛАДЫВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВВ.

Для российских общества и государственности период второй половины XVI – XVII вв. явился одним из самых противоречивых и сложных. Никогда ранее в истории страны не наблюдалось столь значительного расширения ее территории за счет слабообжитых, полупустынных земель и столь мощных миграционных потоков, направленных на их хозяйственное освоение. Новые пространства на европейском юго-востоке входили в состав Московского государства со своим автохтонным разнообразным в этноконфессиональном отношении населением: оседлым как это было с народами, населявшими бывшее Казанское ханство; полукочевыми жителями Башкирии и кочевниками (ногаями, калмыками и т.д.). Все это порождало неравномерность в развитии отдельных районов; придавало процессам, происходившим там, особый противоречивый характер.

После присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к России, земельческая колонизация затронула только территорию собственно Казанского края и почти на столетие – до середины XVII в., остановилась на южных границах бывшего ханства: в Правобережье – на линии Темников – Алатырь – Тетюши; в Заволжье – по нижнему и среднему течению Камы. Все лесостепное пространство к югу и юго-востоку, оставаясь вне ареала постоянного оседлого расселения, являлось своеобразной буферной зоной; фронтиром, где соседствовали орды кочевых и полукочевых сообществ, представители автохтонных народов Среднего Поволжья, осваивавших эти территории «наездом»; станицы вольного казачества, ватаги русских рыбаков, военизированное население первых русских городов на Волге.

---

* © Дубман Э.Л. – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2013

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «"Обретение родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

Важнейшей особенностью региона, который мы условно называем Южным Средневожьем¹, был процесс его массовой колонизации, начавшийся в середине XVII в. Интенсивные миграционные потоки, складывание системы устойчивого расселения, нового хозяйственного и культурного облика; взаимодействие и взаимовлияние различных народов «леса и степи», в ходе «обретения родины» и формирования нового социума являлись основными сущностными характеристиками развития Южного Средневожья, превращения его из территории фронта во «внутреннюю окраину» Российской империи.

В этом сложном процессе принимали участие различные этноконфессиональные сообщества и социальные группы. Несмотря на противоречия и нередкие конфликты между его участниками, их объединяли общие цели и задачи. Авторы обобщающей работы по истории российского крестьянства были совершенно правы, утверждая: «В настоящее время противопоставлению правительственной и вольной колонизации все чаще приходит на смену мнение об их органической связи; в целом для практики освоения «украин» в XVI – XVII в.в. характерно тесное переплетение различных колониционных форм, их постоянное взаимодействие»².

Вместе с тем необходимо особо отметить, по образному выражению Л.В. Милова, «необычайную активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства»³. Именно государство могло обеспечить в лесостепной зоне фронта сравнительно безопасные условия для его новых жителей, оно выступало верховным судьей в урегулировании различных социальных, хозяйственных, этнических и конфессиональных конфликтов.

Кочевое и полукочевое население. Для оседлых земледельцев все пространство, лежащее к югу и юго-востоку от ареала их расселения, считалось пустынной «порозжей» землей, «Диким полем». Понятие «Дикое поле» как обозначение определенного региона, историки обычно относят к южной степи и лесостепи, расположенной к западу от Дона⁴. Но, судя по сохранившимся источникам, этим термином в более узком смысле для обозначения пустынных земель, пользовались жители пограничных районов на юго-востоке⁵. В конце XV – первой половине XVI вв. территория Южного Средневожья являлась окраинной, пограничной между несколькими этническими сообществами, которые после распада Золотой Орды образовали Казанское ханство, Ногайскую Орду и, находившийся в зависимости от последней, союз башкирских племен.

Если жители Казанского ханства и башкиры появлялись в Южном Средневожье лишь sporadически, время от времени, или занимали сравнительно небольшие локальные зоны на севере и северо-востоке региона; то для ногаев вплоть до начала XVII в. это пространство являлось важнейшей составляющей годового цикла кочевания – летними северными пастбищами. Ногайская Орда, занимавшая огромные территории от Аральского моря до Дона, была непрочным образованием, состоявшим из почти двух десятков различных тюркских и монгольских племен (орд) — мангытов, найманов, кипчаков, киятов и т.д. Суровое время года приволжские улусы Орды

проводили в низовьях Волги, Яика (Урала), в Прикаспии; с наступлением весны поднимаясь по волго-уральскому водоразделу, они выходили в район Общего Сырта, откуда брало свое начало большинство притоков Волги, Камы и Яика, а затем расходились «летовать» на север и запад по рекам Ику, Самаре, Большому Кинелю и Большому Иргизу⁶. Все пространство пастбищ жестко распределенное между отдельными улусами⁷, было по своему «освоенным» кочевыми сообществами. Из всех народов, входивших в Золотую Орду, ногаи более других остались верны завету Чингисхана «езде кочевать, никогда не сделаться оседлыми». За исключением столицы – Сарайчика – они, практически, не имели ни городов, ни постоянных жилищ, жили в открытых степях. Это был пастушеский народ, богатство которого составлял скот и пастбища.

К середине XVI в. численность ногаев достигала от 700 тыс. до 1 млн. человек, но затем вследствие кризисных явлений стала неуклонно сокращаться. К концу XVI в. население Большой Ногайской Орды, занявшее междуречье Волги и Урала, составляло немногим более 300 тысяч чел., а к концу 1630-х гг. оно насчитывало уже от 80 до 120 тыс. чел.⁸

Во второй половине XVI в. в результате системного кризиса, охватившего ногайское общество, Ногайская Орда распалась на несколько государственных образований. Пространство Заволжья заняла Большая Ногайская Орда, территория кочевий которой резко сократилась.

В первой трети следующего столетия ногаи уступили волго-уральское междуречье, в том числе и лесостепное Заволжье, пришедшим из западной Монголии калмыкам (ойратам), которые в середине XVII в. создали Калмыцкое ханство. Калмыки были наиболее близки к тем монголам, которые завоевали в середине XIII в. русские земли. Численность новых хозяев Поволжья и Приуралья составляла около 280 тыс. человек, из них до 80 000 воинов⁹.

Все калмыцкое общество делилось на улусы, а улусы на аймаки¹⁰. Каждый аймак имел общее кочевье. Как и у ногаев, хозяйство калмыков основывалось на кочевом скотоводстве. Калмыки заняли практически всю территорию кочевий ногаев и со второй трети XVII в. являлись основным кочевым соседом России на юго-востоке. В Заволжье северная граница их кочевий доходила до р. Самары и Б. Кинеля; на Правобережье – до южной оконечности Самарской Луки.

Несмотря на языковые и религиозные различия, в основных чертах образ жизни ногаев и заменивших их в междуречье Волги и Урала калмыков был близок. Эти два сообщества являлись типичными представителями кочевой цивилизации и основывались на едином способе хозяйствования – кочевом скотоводстве, совпадении или значительной близости видового и количественного состава стад, способов получения основных продуктов жизнеобеспечения. Характерные особенности такого кочевого образа жизни, эксплуатации окружающего пространства получили подробное описание в русских средневековых документах, сообщениях европейцев и восточных купцов, научных записках академических экспедиций XVIII в.

С ослаблением ногаев на юго-запад в Заволжье стали расширяться охотничьи и кочевые угодья башкир. По рекам Ику, Мензеле, Заю располагались их крайние юго-восточные селения, а по Соку, Самаре, Б. Черемшану, верховьям Кондурчи и Кичуя охотничьи угодья. Тюркоязычные башкиры были сравнительно немногочисленны. В конце XVII в. все мужское население у них составляло 25-30 тысяч человек. У башкир полукочевое скотоводство сочеталось с охотой, бортничеством, другими лесными промыслами; земледелие имело слабое распространение¹¹.

Изменения в составе населения после присоединения Среднего и Нижнего Поволжья к России. В течение длительного периода, вплоть до второй четверти XVII в. изменения, происходившие в формировании населения Южного Средневожья, особенностях его расселения и хозяйствования были незначительными и, практически не меняли облик, сложившийся в предшествующий период истории региона. К новым явлениям следует отнести строительство городов-крепостей на Волге (Самара и Саратов), р. Белой (Уфа); промышленное освоение Волги и Камы и складывание на берегах рек сезонных рыболовецких предприятий, принадлежавших различным группам промышленников. В сравнительно безопасных лесных и лесостепных районах широкое развитие получили сезонные промыслы («наездом») мордовского, чувашского и татарского населения.

Волжское казачество. События середины XVI в., запустение кочевий степных народов способствовали возникновению на обширном лесостепном пространстве свободных неконтролируемых районов. В них скапливались, по образному выражению Л.Н. Гумилева, «люди длинной воли», уходившие от крепостничества, жесткой государственной регламентации.

Первоначально вольные казаки были в основном выходцами из кочевых сообществ. Казаками называли отряды татарской вольницы и даже мурз с улусами, ушедших из-под власти своих правителей¹². Термины «казак», «есаул», «атаман», «кош» и другие возникли в татарской (тюркской) среде. В Москве так писали о казаках Дикого Поля в первой половине XVI в.: «...на Поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаков, а и наших украин казаки с ними ж, смешався, ходят, и те люди как вам тати и разбойники, и на лихо их никто не учит, а учинив которое лихо, разъезжаются по своим землям»¹³. В русских источниках того времени упоминаются как правило «мещерские» казаки, бывшие, перешедшими на службу Москвы, татарами¹⁴.

Только с середины XVI в. упоминания о казачьей вольнице на Волге становятся постоянными. Поток беглых с севера начинает преобладать и вскоре подавляющее большинство казаков оказалось выходцами из России и Украины. На территориях фронта – пограничья возникает и интенсивно развивается своеобразная «речная», а не степная как раньше, вольница. Местами ее обитания становятся крупнейшие реки юго-востока – Дон, Волга, Яик (Урал), Терек. Казачьи станицы прятались на островах, в залесенных поймах рек и мысах. Заниматься привычным по прошлой жизни земледелием в открытой местности они не могли. Поэтому ловили рыбу, охоти-

лись; промышляли набегами, грабили своих кочевых соседей, торговые караваны. Такие разбойничьи предприятия становятся частью хозяйственной жизни вольницы, способом выживания в чрезвычайных условиях фронта. В 1604 г. бий Большой Ногайской Орды Иштерек писал Борису Годуну: «Токо бы казаки на улусы приходили сухим путем, и он бы над казаками умел промышляти. А то де казаки приходят на них водяным путем, в розни многими людьми... а на воде над ними промыслу никоторого не умеет учинить... И быть им (ногаям – Э.Д.) от казаков в великом разоренье. А уберечись от казаков никоим обычаем нельзя, потому что казаки многие. А приходят разными протоками и многими людьми, по двести и по триста и более человек»¹⁵.

Во второй половине XVI в., когда крупные казачьи сообщества на Волге, Дону и Яике только начали складываться; обособления на донское, волжское, яицкое казачество не существовало¹⁶. Соединенные сетью волоков-переволок, эти три речные системы в пределах степи оказались колыбелью для возникновения единого ареала вольных казачьих общин. До конца XVI в. московские приказные люди путались в терминологии, чаще всего употребляя такие названия для казаков, как волжские и донские. Да и сами казаки считали все обширное лесостепное пространство от Яика до Дона своей единой родиной. Только в самом конце века, когда правительство, обеспокоенное столкновениями и грабежами на Волге, поставило в ее среднем и нижнем течении города – крепости; эта целостная казачья область оказалась насильно разорванной. Формирование крайних ее крыльев на Дону и Яике пошло обособленно; на Волге вольное казачество вскоре прекратило свое существование. Но еще долгое время Волга оставалась общим излюбленным местом вольницы для поиска добычи. Нередко сюда забредали даже отряды черкас — украинских казаков.

Одним из центров складывания волжского казачества становится территория Самаро-Саратовского Поволжья. Этому способствовало наличие двух речных систем — Самары и Большого Иргиза, по которым через волоки можно было легко добраться с Волги на Яик и обратно. Казачество крайне редко пыталось основать на волжских берегах постоянные поселения и городки. Правительство не позволяло ему установить действенный контроль над волжским путем. Даже в годы наивысшего разгула по волжским просторам свои зимовья казаки устраивали все-таки на Дону и Яике. Волга была прежде всего летним пристанищем, местом для государственной службы и разбоев.

Строительство городов на Волге лишило всякой перспективы возможность формирования в Среднем и Нижнем Поволжье казачьей области. Отряды волжской вольницы перешли на Яик и Дон. Однако, появление городов не смогло в полной мере обезопасить волжскую акваторию.

Благоприятные условия для возрождения волжского казачества сложились в годы Смуты. По данным А.А. Гераклитова в 1613 г. по всей Волге от Самары до Царицына (точнее, до Вязовки, лежащей 150 км ниже последнего) находилось 8 казачьих городков, в которых в совокупности насчитыва-

лось до 600 казаков¹⁷. Неясно, были ли эти городки зимовьями или временными летними стоянками?

Правительственный контроль над Средним Поволжьем был установлен только во второй половине 1610-х гг. В результате, возможности для второго рождения волжской вольницы были утрачены – на этот раз уже навсегда.

Промысловое освоение «наездом». Распад Золотой Орды привел к запустению лесостепи Южного Средневожья. Только после присоединения к России начинается его новое промысловое сезонное освоение. Вся лесостепь до Самарской Луки и южнее становится зоной активного промыслового предпринимательства¹⁸. Если богатейшие природные ресурсы волжской акватории эксплуатировались, как правило, русскими предпринимателями, то одновременно протекавшая хозяйственная деятельность в лесостепном пространстве Предволжья и Заволжья осуществлялась татарами, чувашами, мордвой и представителями других средневожских этносов.

Так, промысловые угодья жителей Алатырского уезда в первой четверти XVII в. простирались на юго-восток от устья Алатыря и Барыша, вплоть до Волги в районе устья р. Терешки¹⁹. По соседству, вдоль волжских берегов до Самарской Луки, включая и этот полуостров, тянулись промысловые угодья мордвы, татар и чувашей Казанского уезда. Начальные данные о таких угодьях относятся еще к временам Казанского ханства и правления Бориса Годунова²⁰.

На Самарской Луке мордва появляется, по крайней мере, с середины XVI в. в качестве пользователя ухояями, а в первой половине XVII в. она не только расширяет свою промысловую деятельность, но и оседает здесь²¹. Подобные промыслы были постоянными, существовавшими на протяжении десятков лет. Промысловые угодья распределялись и фиксировались в специальных документах. Они требовали длительной сезонной деятельности промысловиков – вотчинников, оброчников, наемных работников. В крае, помимо летних пастбищ кочевников, находилось промысловое население, приходившее сюда «изгоном» и делавшее все возможное, чтобы не обнаружить своего присутствия. Вплоть до крайних границ лесостепи на юге (реки Сызранка, Крымза, Терешка на Правобережье; Самара и Кинель в Заволжье²²) регион был населен. Пример такого «заселения» дает промысловая деятельность казанских феодалов Асановых, получивших бортовые, бобровые и рыбные угодья на левобережье от р. Майны вниз по Волге по р. Уреню и до будущего с. Красный Яр (выше Симбирского городища) ранее 1581/82 г. Эта крупная промысловая вотчина была закреплена за семьей Асановых вплоть до конца XVII в.²³ В их угодьях, как и других вотчинников и оброчников, постоянно в течение промыслового сезона находились промышленники. Они устраивали временные жилища, хранилища, рыболовецкие и охотничьи станы, укрывались от отрядов кочевников.

В конце XVI – начале XVII вв. земледельческая колонизация перешагнула границу засек по линии Алатырь – Тетюши. В первую очередь она шла в рамках двух уездов – Алатырского и Свияжского (хотя между Алатырским и Свияжским вклинивались земли Чебоксарского и возможно других уездов,

а по правобережью Волги узкой полосой тянулись от Тетюшей земли Казанского уезда). Исследователи считают, что и к югу от упомянутой линии шли интенсивные процессы освоения, протекавшие в весьма своеобразной форме²⁴. На рубеже XVI – XVII вв. отдельные чувашские деревни возникают по широте Самары и южнее, на территории будущего Симбирского уезда²⁵. Эти селения были небольшими, существовали недолго, могли изменять свое местоположение.

Таким образом, вся территория вдоль волжских берегов отнюдь не была пустынно. Здесь кипела жизнь; но жизнь, скрытая от постороннего глаза, основанная не на постоянном оседлом поселении, а на временном укромном стане – убежище, сезонном промысле. Роль государства в этом освоении можно свести только к созданию определенных предпосылок, контроля за общей ситуацией в крае, не более того.

Иначе происходило хозяйственное освоение рыбных ресурсов акватории Волги и Камы. Здесь, уже с конца XVI в. появились крупные сезонные предприятия дворца, церковных корпораций, привилегированного купечества; мелкие оброчные – посадских и приборных людей, даже крестьян. Все эти предприниматели фактически выступали в роли организаторов и участников своеобразного промыслового освоения региона, способствовали формированию в районах промыслов значительных групп пришлого сезонного населения. В этническом отношении владельцы и организаторы промыслов, рабочая сила, арендаторы были в основном русскими, выходцами из средневожских и центральных районов страны. На Волге от устья Камы до впадения Б. Иргиза выделялось несколько крупных промысловых районов, окончательно сложившихся во второй половине XVII в.: казанско-камский, симбирский, самарский. Казанско-камский район, принадлежал к наиболее ранним очагам формирования крупного промыслового предпринимательства в Понизовом Поволжье. Он охватывал водную акваторию среднего и нижнего течения Камы, воды Волги от камского устья и до впадения Черемшана. Пожалования и сдачи в оброчное владение начались здесь сразу же после присоединения Казанского ханства к России. Это был район стабильного промыслового предпринимательства, где уже к началу XVII в. сформировалась собственность на рыболовные угодья и получили развитие сравнительно небольшие предприятия. В основном организаторами промысловых предприятий в казанско-камских промысловых водах были: дворцовое ведомство и местные церковные корпорации. Наиболее значимое место среди последних занимала казанская епархия. Из центральных монастырей крупнейшими предпринимателями являлись в конце XVI – первой трети XVII вв. Троице-Сергиев, а во второй половине XVII в. – Савво-Сторожевский и Донской²⁶. В середине 1660-х гг. из казанско-камского выделился симбирский промысловый район²⁷. Его акватория на севере граничила с тетюшскими водами казанско-камского района (устье р. Чертык), на юге – тянулась до устья р. Усы. Симбирский район делился на несколько крупных участков: Гороховские воды, Синбирские, Вольские, Чувиченские, Арбугинские, Белоярские и Атрубские²⁸. Для него был характерен интен-

сивный процесс формирования крупного казенно-дворцового промыслового хозяйства со значительным количеством работных людей.

Самарский промысловый район охватывал акваторию Волги, примерно от устья Усы до Елань-Иргизских вод (устье М. Иргиза). Он делился на крупные промысловые участки – Соковские, Тушинские, Васильчиковские, Печерские, Лопатинские, Деревянные, Чагринские, Сосновские воды и т.д. Фиксированные рыболовные угодья начали раздаваться здесь только в самом конце XVI – начале XVII вв. В отличие от других районов волжской акватории, в самарском, практически не получили сколько-нибудь заметного распространения дворцовые промыслы. Важнейшей тенденцией в истории этого района явилось последовательное неуклонное формирование собственности на промысловые воды крупнейших монастырей центра страны; Савво-Сторожевского, московских Чудова и Вознесенского, нижегородского Благовещенского. Каждый из владельцев промысла организовывал здесь временные рыбные дворы и ватаги, нанимал и привозил рабочую силу, строил временные поселения и жилища. В таком промысловом сезонном освоении участвовало несколько тысяч человек; определенная часть которых оставалась зимовать в волжских городах и постепенно оседала на территории Южного Средневолжья.

У истоков формирования постоянного населения Южного Средневолжья в конце XVI – первой половине XVII вв.

Служилые люди и посадские жители первых городов. Первым постоянным населением региона становятся служилые люди Самары (1586 г.) и Саратова (1590 г.). Начальными их жителями были по 300 – 400 ратных людей, так называемых «годовальщиков», переводимых погодно из нижегородских и казанских городов. В основном это были служилые люди по прибору (стрельцы), небольшие группы дворян и детей боярских, «иноземцев» и т.д.²⁹ К концу XVI в. это военизированное население становится постоянным.

Первые достоверные сводные сведения о городских гарнизонах сохранились от второй четверти XVII в.. Численность их составляла от 350 до 500 чел. с полным преобладанием приборных людей (конной и пеших стрелецких сотен)³⁰. Группы дворян и детей боярских были незначительными и не превышали 20 чел. Местные служилые люди обжились в городах, большинство из них имели свои дома, семьи. Они занимались промыслами и торговлей, их общая численность с женами и детьми составляла около 3000 – 3500 чел. В Саратов, как и в другие города Нижнего Поволжья, в отличие от Самары нередко посылали дополнительные контингенты ратных людей для временной службы³¹.

Только после завершения Смуты в городах региона начинают складываться немногочисленные общины посадских жителей. Кроме посадов, дворы городских жителей размещались по слободам. В Самаре сложились слободы – Рыбная, Болдырская, позднее возникла Вознесенская. В Саратове, судя по данным пятины 1634 г., насчитывалось всего 32 посадских чел. Самара имела более значительный посад – 69 дв.³², а по переписи 1646 – 47 гг.

– более 100 посадских дворов (около 700 чел. обоего пола)³³. Большое количество соседей и подсоседников (51 чел.) указывает на незавершенный процесс складывания посадского населения и интенсивные миграционные процессы³⁴.

Таким образом, Самара и Саратов в конце XVI – первой половине XVII вв. представляли собой типичные российские пограничные города-крепости, основу населения которых составляли служилые люди и их семьи. Свообразие волжским городам придавало то, что им приходилось защищать не складывающиеся вокруг них районы сельского расселения, а важнейший транзитный речной путь по Волге и совокупность рыболовецких промыслов³⁵.

Верхушку местного общества в городах составляли приказные люди во главе с воеводой, до 20 семей детей боярских и дворян, да несколько семей священнослужителей. Между воинскими людьми, несшими ратную службу, и посадскими, платившими тягло, не было непроходимой границы. Основные хозяйственные занятия и тех и других были одинаковы: рыболовство и другие промыслы, ремесло, извоз, обслуживание волжского судоходства. Самара и Саратов в экономическом отношении в основном являлись перевалочными транзитными пунктами на волжском пути.

Локальные районы сельского расселения во второй четверти XVII в. Во второй четверти XVII в. на территории Южного Средневолжья начинают складываться первые локальные районы сельского расселения. К их числу относятся Самарский уезд и Надеинское Усолье, а также дворцовая Чалнинская волость в Закамье, на границе Казанского и Уфимского уездов.

Самарский уезд. В отличие от Саратова, не имевшего сельской округи, рядом с Самарой на Самарской Луке, занимая ее восточную и центральную части, складывается свой уезд³⁶. Видимо, заселение низменности под отрогами Жигулевских гор, началось в конце 1610-х – начале 1620-х гг. Здесь на землях домового патриаршего самарского Спасо-Преображенского монастыря возникли начальные селения Рождествено и Подгоры (Ильинское). Первое упоминание о деревне «под Лысой горой» – Подгорах, относится к концу 20-х гг. XVII в.³⁷

Для защиты жителей этих селений от внезапного прихода «воинских людей», к западу были устроены караулы, под защитой которых возникло еще одно селение — деревня Ново-Подкараульная. Жители Подгор, переселившись через овраг, основали д. Выползово. Так сложилось начальное ядро старейших русских селений уезда, располагавшихся на открытой равнине, рядом с пашнями. Появившиеся почти одновременно малодворные деревни мордвы и чувашей — Шелехметь, Борковка, Терновое, Чуракаево, возникали в укромных местах за лесами и буераками, среди гор, занимали неудобья. Система сельского расселения в целом отражала этническое разнообразие населения уезда. В конце 30-х—начале 40-х гг. во всех этих селениях насчитывалось 210 дворов, около 900 человек³⁸. По переписи 1646 г. только русское население восточной части Луки составило более 300 дворов³⁹. В большинстве своем это были беглые, пришедшие сюда из уездов

Среднего Поволжья – Казанского, Алатырского, Симбирского и других. Как образно заявили сами о себе жители с. Рождествено – «всякий сброд и наволока».

Для защиты жителей в крупнейших селах при владельческих дворах и храмах обустраивались примитивные оборонительные сооружения.

Самарские дети боярские приступили к освоению Самарской Луки с 1640-х гг. Все ближние к городу, лучшие земли к этому времени были разобраны и им пришлось довольствоваться выходящими к Волге межгорными долинами в центральной части полуострова. Там и возникали небольшие деревушки Ширяев Буерак (Ширяево), Моркваша, Осиновый Буерак и другие. И, наконец, пришедшие чуть позднее мордва и чуваша облюбовали центральную часть Самарской Луки, «за лесом», где появились д. Аскулы, Сосновый и Березовый Солонцы, Кармалы, Севрюкаево⁴⁰.

Надеинское Усолъе. В 1631/32 г. на западе Самарской Луки вокруг соленых источников сложилось крупное промысловое владение гостя Надеи Светешникова. Работные люди и крестьяне предпринимателя выстроили укрепленный городок-крепость, основали солеваренный и рыболовецкий промыслы, поселили несколько слобод⁴¹. Рядом с соляными источниками возникли Верхнеусольская, Нижнеусольская и Усольская слободы, в которых обосновались работные люди из Соли Камской, Костромского уезда; крепостные крестьяне, слуги и прислужники Светешникова. Большинство жителей слобод составили беглые, «гулящие» люди, пришедшие в Усолъе «своей охотой». По данным 1646 г. общее количество взрослых мужчин (без духовенства и приказчиков) составило 108 человек, из них 33 несли вооруженную охрану промысла, 28 являлись крестьянами, 30 – бобылями, 17 относились к наемным людям, временно проживающим на территории Усолъя. 88 человек являлись дворовладельцами⁴². Из них около 40% – 37 человек – гулящие, 17 человек – из крепостных крестьян, 5 – из посадов, 4 бобылей и т.д. За исключением 2-х новокрещен, все переселенцы были русскими. 24 человека, из указавших место своего прежнего проживания, 64 дворохозяев, вышли из уездов, где особое развитие получило солеварение: из Балахны – 10 чел. и Соли Камского – 4. Казанское и Нижегородское Поволжье представлено соответственно 17 и 8 переселенцами. Всего же было указано 11 уездов выхода. Из них наибольшее количество дали Алатырский (7 человек), Нижегородский (5 человек) и Казанский (4 человека) уезды. Из 10 центральных уездов страны, представленных в Надеинском Усолъе 14 переселенцами, выделяются Ярославль – 3 человека, Пошехонский и Устюжский уезды – по 2. Очевидно, приказчики Светешникова вели целенаправленную «пропагандистскую» работу на крупнейших солеваренных промыслах, и это обстоятельство обусловило столь высокий процент миграций именно из этих районов.

Кроме того, на промысле постоянно работали полтора десятка наемных людей, тех, кто нанимался на сезон или на более длительный срок. Видимо, уже в это время в Надеинском Усолъе появились чувашские переселенцы⁴³.

Чалнинский район расселения в Закамье. В освоении районов Западного Закамья важную роль сыграли прикамские селения, располагавшиеся на правом «казанском» берегу Камы – Рыбная слобода, с. Анатош и другие⁴⁴. Население этих пограничных дворцовых волостей являлось поставщиком переселенцев для новых сел и деревень в Западном Закамье и Симбирском Поволжье.

Примером инициативы самих крестьян, санкционированной местными властями, явилось возникновение Чалнинской дворцовой волости на левобережье Камы. В 1626 г. группе крестьян из закамского дворцового с. Елабуги разрешили основать небольшой починок, затем разросшийся в село – Чалны (у р. Чалны). Приток переселенцев был настолько интенсивным, что уже в начале 1640-х гг. здесь возникла целая дворцовая волость, в которой по данным 1643 г. насчитывалось 449 душ м.п.. Тенденция к дальнейшему быстрому росту Чалнинской волости сохранилась в середине 1640-х – первой половине 1650-х гг. По переписной книге 1647 – 1648 гг. в 349 дворах (кроме 25 пустых) насчитывалось уже 683 души м.п. (прирост составил 52%). Число крестьянских дворов составило 296, бобыльских – 53. Кроме самого с. Чалны (Чалнинский починок, с. Мыс), в дворцовой вотчине насчитывалось 8 деревень и 2 починка⁴⁵.

Появление столь крупной дворцовой волости, а также ряда более мелких селений чуваш, мордвы, татар в Закамье, заставило правительство приступить к сооружению в этих местах в начале 1640-х гг. острожков⁴⁶. К 1651 году в городке были поселены 100 конных белопашенных казаков⁴⁷. Первоначально волость числилась в Уфимском уезде, а затем была переведена в Казанский. Писцовое описание Казанского уезда проведенное в 1649 – 1656 гг. С.В. Волынским, подтверждает тенденцию к быстрому росту ее населения. В 14 селениях (из них 2 деревни и 1 починок принадлежали местному монастырю) насчитывалось 853 душ м.п.⁴⁸. Крупнейшим селением волости оставалось с. Чалны-Мыс, которое не только выделяло из своего состава переселенцев для новых починок и деревень, но и разрасталось само. В нем насчитывалось 143 двора с 255 мужчинами, среди которых были 123 крестьянских (219 душ м.п.), 1 крестьянский льготный двор, 16 дворов бобыльских (30 душ м.п. бобылей и захребетников)⁴⁹.

Чалнинская волость представляет собой яркий пример развития земледельческой дворцовой вотчины на окраинной территории⁵⁰. Сведений об организованных переводах крестьян не сохранилось. Скорее всего, рост населения происходил стихийно. Важнейшим занятием населения являлось, прежде всего, сельское хозяйство – земледелие.

Таким образом, накануне начала массового освоения Южного Средневожья на его территории уже сложились отдельные локальные центры расселения в виде отдельных городов, уездов, крупных дворцовых и купеческих владений, сел и деревень. Мнение о том, что уже в первой половине XVII в. пространство региона было в определенной степени заселено, наиболее четко высказанное Р.Г. Букановой⁵¹, является вполне обоснованным и подтверждается большим количеством данных.

Выдающийся отечественный историк С.М. Соловьев считал Россию, страной «колонизирующей», «колонизирующей самую себя»⁵². Он писал: «То была обширная, девственная страна, ожидавшая населения, ожидавшая истории; отсюда древняя русская история есть история страны, которая колонизируется»⁵³. Эти слова хорошо отражают процессы, происходившие в рассматриваемом регионе. Кризис Ногайской Орды, нестабильность других кочевых сообществ привели к сокращению территории их летних кочевий. Ставшие «ничейными» лесостепные пространства европейского юго-востока как бы «затягивали» в себя разнообразные в этноконфессиональном отношении потоки переселенцев, способствовали их расселению, а при определенном насыщении выталкивали лишних все дальше на просторы юга и востока.

Примечание

¹ В широтном измерении мы ограничиваемся территорией до р. Суры на западе (примерно в рамках Симбирского уезда XVII в.) и закамскими землями Казанского уезда. Этот термин был апробирован в ряде предшествующих работ и не вызвал возражений у исследователей.

² История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. В пяти томах. Том 2. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М., 1990. С. 405.

³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 561.

⁴ См., например: История Отечества: Энциклопедический словарь. М., 1999. С. 189.

⁵ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: Очерки истории колонизации края. Одесса, 1882. С. 188; Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда. Симбирск, 1903. С. 5.

⁶ Наиболее глубоко история средневековых ногаев рассмотрена в следующей работе: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001.

⁷ Поноженко Е.А., Асанов А.М. Регламентация пастбищного землепользования у средневековых ногайцев // Половецкая луна. Черкесск, 1993. № 1-2/5-6. С. 116-125; Дубман Э.Л. Особенности системы кочевания у ногайского сообщества середины XVI в. (на примере ногаев Волго-Уральского междуречья) // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара, 2005.

⁸ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 497-499.

⁹ Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в. // ИЗ. 1939. №5; Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.

¹⁰ Народы Поволжья и Приуралья Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 282.

¹¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 93-109; Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. С. 25-40; Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1. Ч.1. Уфа, 1956.

¹² Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2001. С. 277; Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. Кн.4. Л.316-316об., 342-342об.

¹³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала, 1995. С. 230-231.

¹⁴ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 286-291; Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV – XVII

веке. Волгоград, 2005. С. 38, 43, 47, 50; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489-1549 гг. Махачкала, 1995. С. 92; и др.

¹⁵ Цит по: Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV – XVII веке. С.130.

¹⁶ Пронштейн А.П. К истории возникновения казачьих поселений и образования сословия казаков на Дону // Новое о прошлом страны. М., 1967. С.168, 172.

¹⁷ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. Саратов; М., 1923. С.198.

¹⁸ История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Т.1. С.66.

¹⁹ Гераклитов А. Алатырская мордва по переписям 1624-1721 г. Саранск, 1936. С.11 и др.; Козлов В.И. Расселение мордвы (Исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. Труды мордовской этнографической экспедиции. Вып.1. Труды института этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т.LXIII. М., 1960. С.12. (Правда автор рассматривает границу бортных ухажав для середины XVI в. и доводит ее на юго-востоке до Самарской Луки); Биленко М.В. Дворцовая мордва Алатырского уезда в XVII веке (по писцовым и переписным книгам): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1980. С.113, 120, 370.

²⁰ Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 годов. Публикация текста. Казань, 1978. С.61, 62, 67; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д.159; Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С.111-112.

²¹ Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Гераклитов А.А. Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С.112-113.

²² См, например: Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005.

²³ Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского Дворца. Т.IV. Архив Александра Петровича Языкова. Симбирск, 1904. Т.IV. № 90. С. 226-255.

²⁴ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века: Очерки истории колонизации края. Одесса, 1882; Исхаков Д.М. Динамика численность и особенности размещения татар в Волго-Уральском регионе в XVI — начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 262-280; др. работы.

²⁵ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI - начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С.321-322.

²⁶ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56.

²⁷ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда (приходо-расходная книга Синбирской приказной избы). 1665-1667 гг. Симбирск, 1896. С. 264.

²⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 5об., 20, 32об. и др.

²⁹ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. С. 189-190; Дубман Э.Л. Князь Григорий Засекин – строитель волжских городов. Самара, 2002. С. 56.

³⁰ См., например: Книги разрядные. СПб., 1853. Т. 1. Стб. 192–197.

³¹ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. С. 215-216.

³² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41162.

³³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 1-22об.

³⁴ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. С. 225; Окладная роспись пятины 142 года по городу Саратову // Труды СУАК. Вып. 33. С. VI.

³⁵ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв.; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века М., 2000. С. 73-76, 128-131.

³⁶ Там же. С. 89-92.

³⁷ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф.303 I. Д. 562. Л. 114-116 об.

³⁸ Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующе-

го Синода (далее ОДДАС). СПб., 1907. Т. 15. Стб. 955-959.

³⁹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 6468. Л. 25-67.

⁴⁰ Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XVIII вв. Самара, 1995. С. 25-26.

⁴¹ Бахрушин С. В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке / Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1954. Т. 2: С. 228-247.

⁴² Там же.

⁴³ Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XVIII вв. С. 23-51.

⁴⁴ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 3, 22-23, 83-84 и др.

⁴⁵ Там же. С. 118-123; Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1980. С. 44-45.

⁴⁶ Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. С. 48-51.

⁴⁷ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 131-135.

⁴⁸ Буканова Р.Г. Заселение крепостей Закамской черты в XVII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Сборник статей. Томск, 1982. Вып. 2. С. 16.

⁴⁹ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 135-139.

⁵⁰ Мустафина Д.А. Социальное положение крестьян Казанского уезда во второй половине XVII века // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С. 41.

⁵¹ Буканова Р.Г. Заселение крепостей Закамской черты в XVII в. С. 16.

⁵² Это объяснение С.М. Соловьевым особенностей российского исторического процесса тщательно разбирает современный исследователь внутренней колонизации в России А. Эткин. См.: Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. С. 92-94.

⁵³ Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 631.